

Альбер Собуль

ГЕРОЙ, ЛЕГЕНДА и ИСТОРИЯ

перевод *Е. В. Рубинина*

Французский ежегодник 1969

М.: Наука. 1971. С.233-254

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Тематически связанные материалы даны нами после статьи

то подлинно герой, великий человек, «одно из удивительнейших явлений истории», по словам советского историка *Тарле*; это «человек века», по словам *Жоржа Лефевра*¹.

Лицом к герою, история раздумывает. Когда великий честолюбивый замысел *Наполеона* — построение европейской империи и учреждение новой династии — потерпел крушение, поэты увидели в императоре нового *Прометея*, наказанного за свое дерзание и пригвожденного к утесу Святой *Елены*: символ гения в единоборстве с роком. Историки, стремясь понять, стараются найти какую-то руководящую нить в сложном нагромождении фактов. С точки зрения *Альбера Сореля*, его последователя *Альбера Вандаля*² и официальной наполеоновской историографии, революция вела неизбежно к диктатуре, а стремление обрести естественные границы обрело Францию на вечную войну. Что авторитарное правительство было необходимо для спасения революции, возражает *Жорж Лефевр*, с этим мы охотно согласимся, но военная диктатура сама по себе вовсе не требовала ни восстановления наследственной монархии, ни восстановления дворянской аристократии. Так спорят между собой историки...

История *Наполеона*, так же как и история *Французской революции*, никогда не будет завершена и никогда не будет написана полностью. От поколения к поколению она никогда не перестанет возбуждать в людях работу мысли и энтузиазм.

С того дня, когда он стал повелителем *Франции*, *Наполеон* занял центральное место в истории — и все, казалось, ступеньвалось перед ним. Но если воздействие, оказанное им на *Францию* и на *Европу*, было значительным, то лишь постольку, поскольку оно шло в фарватере развития истории, начиная с 1789 г. Когда увлеченный своим воображением и своим гением («Я живу всегда на десять лет вперед»), император оторвался от хода истории и, теряя контакт с действительностью, захотел превзойти ее, он потерпел неудачу, а затем крушение. *Наполеон*, правда, основал новую династию, создал европейскую империю. Но от всего им созданного осталось лишь то, что вписывалось в наследство революции. История вновь вступила в свои права.

¹ *Е. В. Тарле*. *Наполеон*. G. Lefebvre. Napoléon, Paris, 1936; E. Tersen. Napoléon, Paris, 1959.

² *A. Sorel*. L'Europe et la Révolution française. Paris, 1885—1904; 8 vol.; *A. Vandal*. Napoléon et Alexandre 1er. Paris, 1890. «L'avènement de Bonaparte». Paris, 1903—1905. 2 vol.

Извергнутый из истории, Наполеон, благодаря гениальному видению своей судьбы и упрямой воле, смог продиктовать сочинения, написанные на Святой Елене, заложить таким образом основы наполеоновской легенды и тем самым вновь занять место в центре развития истории. Сочиняя свою собственную историю, он стирает все, что могло омрачить славу героя. Здесь то, что он сделал, не так важно, как то, что он хотел сделать. Легенда начинается с *истолкования фактов* самим Наполеоном. Так он становится защитником принципов 1789 г., сторонником либеральных идей; он стал диктатором лишь по необходимости; он хотел мира, но постоянно возрождавшаяся европейская коалиция непрерывно вынуждала его вести войну... Эти *легендарные* (в том смысле, что они часто не соответствуют действительности) толкования действительности ведут свое происхождение от мемуаров Наполеона, написанных под его диктовку на острове Святой Елены, и его разговоров, подлинных устных мемуаров, благоговейно записанных его поклонниками.

В сочинениях, написанных на Святой Елене, не следует искать искренности. Элементы изложения расположены там в строгой зависимости от заранее поставленной цели, и это — цель политическая; одни явления исчезают, другие, наоборот, подчеркнуты. По словам королевы Гортензии, Наполеон «арранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу с изощренным кокетством хорошего драматурга, заботливо готовящего свой пятый акт и следящего за приготовлениями финального апофеоза». Не то, чтобы император сознательно искажал факты, чтоб в таком виде навязать их общественному мнению. Легенда не представляет собой сочетания фальсифицированных фактов, это — сочетание принципов и намерений, приписываемых Наполеону; и они оказались удивительно эффективными в развитии истории до 10 декабря 1848 г. и позднее.

С 1821 до 1848 г. либеральная буржуазия борется с Бурбонами, а затем сама приходит к власти. В лице Наполеона она почитает военную славу. Но между буржуазией и Наполеоном стоит 18 брюмера. На помощь приходят сочинения, написанные на Святой Елене, объясняющие защитникам либерализма, что если Наполеону приходилось угнетать других, то это было не по склонности и не из принципа, а диктовалось необходимостью в борьбе, которую он вел против монархов старого порядка. Эта легенда оказалась убедительной для либеральной буржуазии: она завершила сооружение Триумфальной арки и перенесла в Дом Инвалидов прах героя.

После 1840 г. на сцену выходит католическая партия, в 1848 г. она играет одну из первых ролей. Она ничего не имеет против Наполеона: ведь он заключил конкордат, он восстановил алтари, его полные уважения высказывания о религии были записаны его спутниками. Этот союз завязывается, и он сохранится при Второй империи.

Наступил 1848 г. крестьянские массы решают судьбу власти. Но пойдут ли эти массы на восстановление империи, одно название которой вызывает в сознании народа воспоминание о бедствиях войны? Опять на помощь приходят сочинения, написанные на Святой Елене. Они свидетельствуют о том, что Наполеона вынудили воевать, что он стал завоевателем вопреки своей воле. И принц-президент мог заявить в своей речи в Бордо: «Империя — это мир».

Так, в течение почти полувека герой посредством своей легенды сохраняет место на авансцене истории. Что бы там ни говорили, изгнанник Святой Елены обладал все тем же верным глазом, что и победитель при Аустерлице. Он точно измерил свои ошибки и, насколько это было возможно, исправил их, извлекая уроки из событий, примиряя с собою своих прежних врагов. Если, по иронии истории, на трон, таким образом подготовленный им для короля римского, взошел сын Луи Бонапарта, не следует все же недооценивать значения этой последней битвы, данной императором: сколько ума, воли и мужества потребовалось в эти шесть долгих лет изгна-

ния ему, поверженному, больному, живущему в обстановке ревнивых ссор между его спутниками и подозрений со стороны тюремщиков, чтобы довершить этот труд, зная, что не он пожнет его плоды...

Созданием своей легенды герой опять включился в развитие истории.

I

Если время от Реставрации до Июльской монархии отмечено развитием наполеоновской легенды³, кульминацией которого явилась торжественная и волнующая церемония возвращения праха императора 15 декабря 1840 г., то Вторая империя, ставшая возможной благодаря этой легенде, открыла фазу систематического очернения как самого Наполеона, так и его сочинений.

Вслед за переворотом 2 декабря 1851 г., огромная волна ненависти нахлынула и захлестнула память об императоре — не среди народа, а среди политических деятелей и писателей, которые, не имея возможности или не смея открыто нападать на третьего Наполеона, старались дискредитировать первого, рассматривая 18 брюмера как прообраз переворота 2 декабря⁴. Тьер продолжал свою монументальную «Histoire du Consulat et de l'Empire», первый том которой вышел в свет в 1845 г., а двадцатый (завершающий) лишь в 1862 г.; она стала официальной историей, которую сторонники режима восхваляли, тогда как его противники подвергали жестокой критике⁵. Критиковали героя, восставали против тирании памяти о нем, дабы избавиться от того, что Прудон называл «долгим бонапартистским заговором, длившимся с 1825 до 1852 г.». Тот же Прудон в письме от 1858 г. заявил, что Наполеон — «гнусный во всех отношениях..., не представлял никакого принципа, никакому принципу не служил, сам по себе ничего не создал, ничего не сумел понять и толкнул Францию на путь неисправимого упадка, физического и морального». Вильмен в своих «Souvenirs contemporains» (1853—1855) разоблачает «гражданское рабство», скрывавшееся под маскою военного гения. Самый этот гений оспаривается полковником Шавраком⁶, а равно и ученым Литтре в «Revue positiviste» (1868). Ланфрэ в своей объемистой «Histoire de Napoléon» завершает это дело разрушения.

Наполеон III пытался ответить на это. В этой связи опубликование «Correspondance de Napoléon Ier» представляет для нас больший интерес, чем примененные им в этих целях полицейские средства или учреждение в 1857 г. медали Святой Елены. Ни один историк не смог бы осветить историю Наполеона лучше, чем этот источник. В том описании сражения, которое дается в «Бюллетене великой армии», неизбежно недостает объективности. Уже будучи на Святой Елене, Наполеон говорил о «Moniteur», что ее статьи были «неизменно полезны и благоприятны» только для него одного это было признанием того, что знаменитая газета руководствовалась импе-

³ О наполеоновской легенде см.: Ph. Ginnard. Les origines de la légende napoléonienne. L'oeuvre historique de Napoléon à Sainte-Hélène. Paris, 1906; J. Dechamps. Sur la légende napoléonienne. Paris, 1931; J. Lucas-Dubreton. Le culte de Napoléon, 1814—1848. Paris 1960; M. Descotes. La légende de Napoléon et les écrivains français du XIXe siècle. Paris, 1967.

⁴ Словарь Ларусса, изданный в 1867 г. и придерживавшийся враждебной линии по отношению ко Второй империи, заканчивал биографию Бонапарта 19 брюмера [Это примечание требует уточнения. В статьях «Консульство» и «Наполеон I» в изданиях, вышедших после 1870 г., дается полная биография Наполеона. Редакторы объясняют, что статья «Бонапарт» была доведена до 19 брюмера главным образом по цензурным соображениям.— Прим. перевод.

⁵ *Chauffour-Kestner*. M. Thiers historien. Notes sur l'Histoire du Consulat et de l'Empire. Bruxelles, 1863; *J. Barni*. Napoléon et son historien M. Thiers. Genève, 1865.

⁶ «Histoire de la campagne de 1815». Bruxelles, 1857. В катастрофе Ватерлоо повинен сам Наполеон, а не его генералы (в частности, не Груши, как это утверждает Тьер).

раторской пропагандой. В своей переписке, которая первоначально никак не предназначалась для публикации, Наполеон, ничем не стесненный, предстает перед нами таким, каков он есть: со своими мыслями и мечтами, со своими антипатиями и склонностями, со своими хитростями и вспышками гнева.

7 сентября 1854 г. была создана под председательством маршала Вайяна комиссия, в состав которой вошел Проспер Мериме; на эту комиссию была возложена работа по «собираанию, согласованию и опубликованию переписки Наполеона I, относящейся к различным областям государственных интересов». В самом деле предыдущие попытки нельзя было считать удовлетворительными⁷.

Уже в 1858 г. комиссией было опубликовано пятнадцать томов, охватывающих время от осады Тулона в 1793 г. до августа 1807 г. Эта публикация дала повод для резких критических выступлений: отмечались произвольные пробелы, купюры, учиненные комиссией. Было также сочтено желательным устранить некоторые интимные письма, несколько скабрзные, но которые Мериме особенно отстаивал. Другие считали, что комиссия не проявила достаточного рвения в деле прославления Наполеона: «Работа была сделана без достаточно глубокого чувства восхищения и преданности», писал принц Жером-Наполеон императору. Наконец, было решено публиковать только то, что император предал бы гласности, если бы, пережив самого себя и предвосхищая суд веков, он захотел показать потомству свою личность и свою систему», — критерий, более подходящий для жития святого, чем для научной работы.

Новая комиссия была образована 3 февраля 1864 г. под председательством принца Жерома. В нее вошел Сент-Бев, но не вошел Мериме («Я уклонился: уже неприятно было иметь дело с маршалом; с принцем должно быть еще хуже»). Эта комиссия издала тринадцать томов, по сути дела весьма неполных, поскольку в документах, взятых из архивов, нет ни писем 1812 г.; (до 10 ноября), ни писем к Марии-Луизе⁸. Работа была закончена в 1869 г. Она составила тридцать два тома, из коих четыре последних — исторические сочинения, написанные на Святой Елене, которые нас здесь интересуют.

До их опубликования в 1869 г. вслед за «Correspondance», сочинения Наполеона I, написанные на Святой Елене, издавались несколько раз частями. В 1822—1825 гг. вышли в свет восемь томов «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagés sa captivité». Эти два генерала были Гурго и Монтолон. В 1826 г. Маршан, первый камер-лакей императора, последовавший за ним на Св. Елену, опубликовал двухтомный «Précis des guerres de César», который был ему продиктован Наполеоном. В 1847 г. появились два тома «Campagnes d'Égypte et de Syrie, mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand». Наконец, в 1867 г. были изданы в шести томах императорской типографией «Commentaires de Napoléon Ier».

⁷ Публикации Ш.-Ог. Фишера (1808—1813, 2 т.), генерала Ш.-Т. Бове (1819—1821, 7 т.), Кермуазана (1833—1853, 3 т.).

⁸ Мы не ставили себе здесь задачу изложить критику, которой подвергалась эта «Correspondance de Napoléon Ier», опубликованная по приказу императора Наполеона III. Для ознакомления с этим вопросом (со ссылками на совокупность работ, которые должны были дополнить официальную публикацию Второй империи). см.: J. Tulard. «La correspondance de Napoléon Ier» — «Journal des Savants». Janvier-mars, 1966, p. 48. Официальное собрание, законченное в 1869 г., не содержит и половины написанных Наполеоном писем; их текст часто дается неполным или цензурованным. Существует по меньшей мере шестнадцать публикаций неизданных ранее писем Наполеона. Другие, часто очень важные, письма Наполеона были опубликованы в журналах. Наконец, в частных коллекциях есть много наполеоновских писем, они отмечены в каталогах автографов. Большое научное значение имело бы объединение в единой критической публикации всей переписки Наполеона.

В докладе на имя Наполеона III 1869 г. эти предшествовавшие издания охарактеризованы, как очень некорректные. «Там без всякого предупреждения смешано то, что принадлежит императору, с тем, что принадлежит его редакторам; часто одно и то же сочинение издавалось в редакциях, очень отличавшихся одна от другой; наконец, до сих пор, несмотря на достойную уважения попытку 1867 г., серьезный читатель не может быть уверен в том, что он имеет дело с подлинным текстом Наполеона I. Это смесь подлинного и фальшивого, публикаций, часто лишенных связи и продолжения, которая не позволяет судить о созданном на Святой Елене историческом литературном памятнике и хорошо знать его»⁹.

Издатели 1869 г. приложили усилия к восстановлению текста, наиболее близкого к продиктованному императором, когда они не располагали подлинной рукописью Наполеона. Так, если то, что было продиктовано об осаде Тулона и о 13 вандемьере, воспроизведено по оригинальным рукописям, носящим поправки, сделанные рукою Наполеона I (эти рукописи были переданы Наполеоном III), если так же обстоит дело с одиннадцатью первыми главами, посвященными итальянским кампаниям 1796—1797 гг., то следующие семь глав и «Замечания о военных операциях в ходе кампаний 1796 и 1797 гг. в Италии» воспроизведены по «*Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon*» (1830) ввиду отсутствия оригинальной рукописи. Текст, посвященный кампаниям в Египте и Сирии, воспроизводит оригинальную рукопись, исправленную рукою Наполеона и переданную в 1841 г. маршалом Бертраном библиотеке города Шатору. В XXX томе издания 1869 г. страницы, посвященные внутреннему управлению при Директории, военным событиям 1798 и 1799 гг., 18 брюмера, временному консульству, ... воспроизводят «*Mémoires pour servir à l'histoire de France*». Продиктованное о пребывании на острове Эльба и Ста днях, совершенно неизвестное до того, как оно было опубликовано в томе XXXI издания 1869 г., напечатано по оригинальной рукописи, переданной генералом Бертраном и носящей многочисленные исправления и дополнения, сделанные рукою Наполеона. Главы о кампании 1815 г. сделаны по оригинальной рукописи, переданной графиней де Монтолон. «Итак, благодаря всем этим новым документам и настойчивым поискам,— продолжают авторы доклада 1869 г.,— комиссия полагает, что она добилась возможности дать бесспорный текст — такой, какого хотел Наполеон; в других местах, как она полагает, она приблизилась к истинному тексту настолько, насколько это было возможно» (отметим мимоходом, что она очень мало использовала вышедшие в 1823 г. восемь томов «*Mémoires de Sainte-Hélène*» Лас-Каза, «который никогда не дает почти ничего, кроме разговоров»). Комиссия, не претендуя на безупречность и совершенство проделанной ею работы, приложила усилия к тому, чтобы достигнуть поставленной перед нею цели: «Дать полную возможность узнать Наполеона в его делах и сочинениях, подготовить и собрать воедино документы, представляющие несравненный интерес, дабы непосредственно осветить различные фазы великой истории Первой империи»¹⁰.

II

Когда речь идет об исторических сочинениях Наполеона на Святой Елене, то прежде всего возникает вопрос: в каких условиях проходила эта работа? Точнее говоря, как они писались, на основе каких документов, по какому методу? И второй вопрос: какова дата создания письменных мемуаров, пред-

⁹ Доклад императору об изданиях сочинений, написанных на Святой Елене, см.: «Correspondance de Napoléon 1er» т. XXIV (1869), р. III.

¹⁰ «Correspondance de Napoleon 1er», р. V.

ставляющих собой записи под диктовку, и устных мемуаров, т. е. бесед императора, записанных его спутниками в изгнании? ¹¹.

Если верить Лас Казу, то эту историческую работу Наполеон задумал, находясь на рейде Плимута, через несколько дней после того, как он сдался англичанам. Только что пленным было сообщено, что их отправят на какой-то отдаленный остров на Атлантическом океане. «Что мы сможем сделать в этом затерянном месте?», — спросил император своего бывшего камергера. «Государь, мы будем жить прошлым, оно может дать нам удовлетворение...» — «Ну что же, мы напишем наши мемуары». После нескольких дней плавания Лас-Каз предложил начать с итальянской кампании 1796 г. 9 сентября 1815 г. Наполеон диктовал первый раз, но это было об осаде Тулона в 1793 г.

Не касаясь вопроса о достоверности этого рассказа, заметим, что Наполеон, который всегда заботился о своей славе, еще до 1815 г. задумал написать собственную историю: документы из архива военного министерства позволяют установить, что уже во времена Консульства существовала официальная историография ¹². Первый консул, а затем император был озабочен тем, чтобы направить работу историографов. И именно на основе этих работ и изысканий многочисленных помощников изгнанник на Святой Елене смог продолжить и довершить рассказ о своих кампаниях, который представляется нам не импровизацией или опытом, а окончательной редакцией и завершением работы. Начиная с писем и прокламаций молодого генерал-аншефа 1796 г. до продиктованных на Святой Елене записей об итальянской кампании, длинный ряд сочинений мало по малу транспонировал факты и вознес героя, способствуя, таким образом, рождению легенды.

В 1794 г. Карно реорганизовал исторический и топографический кабинет при Военном хранилище, созданном в 1617 г. для сбора военных воспоминаний и извлечения из них материалов, полезных для ведения операций. Карно имел также в виду собирание материалов для составления военной истории революции. Эта работа была продолжена и при Директории; тогда был составлен «*Journal pour servir à l'histoire de la guerre d'Italie*». Это дело получило новый импульс при Консульстве и еще больше при империи. Наполеон хотел придать величие и блеск истории этих кампаний, она должна была стать памятником во славу его; эта история должна была сочиняться в ритме следовавших одна за другой кампаний. В 1805 г. он провел широкий опрос офицеров — свидетелей и участников итальянской кампании; в 1808 г. он собственноручно исправил место, касающееся сражения при Арколе; в 1810 г. он торопил с завершением окончательной редакции этого эпизода. Необходимо было перейти к изучению следующих кампаний. Наконец, в 1809—1813 гг. Граншан де Лаверн, главный историограф, используя работы своих предшественников, составил пять томов, из коих последний содержал описание операций 1809 г.: это официальная редакция истории, написанной на основе официальных документов. Такова была воля императора, который заявил на Святой Елене: «Мудрые люди, подлинными таланты напишут историю на основе официальных документов». Пленник Святой Елены широко черпал из этого источника материал для тех рассказов, которые он диктовал своим спутникам.

* * *

Но это был не единственный источник. Для того, что он диктовал, Наполеону нужны были точные детали описываемых им фактов — детали, которых не могла ему дать даже его исключительная память. Но, желая придать

¹¹ Мы здесь займемся только записями под диктовку — только они интересуют нас в рамках данной статьи. Вопрос об устных мемуарах, об обыденных или возвышенных беседах, комментариях, отдельных высказываниях Наполеона, гораздо сложнее: как знать, правильно ли они изложены авторами мемуаров, в частности Лас-Казом?

¹² M. Reinhard. L'historigraphie militaire officielle sous Napoléon 1er. Etude d'une origine méconnue de la légende napoléonienne. — «Revue historique», avr. — juni 1946.

своему рассказу апологетический характер, он должен был еще знать состояние общественного мнения в Европе в то время, когда он писал. Отсюда — необходимость двойного рода документации¹³.

Что касается исторических сочинений и собраний официальных документов о его жизни и его правлении, то временное правительство разрешило Наполеону взять из библиотеки дворца Рамбуйе (во время его переезда из Мальмезона на остров Экс), около четырехсот томов — главным образом литературные, а не исторические работы. Во время захода на Мадейру он направил британскому правительству список сочинений, которые он желал получить за плату. Он получил их в июне 1816 г.; это были полезные источники, часто совершенно необходимые, в особенности столь долгожданный комплект «*Moniteur*» за 1793—1807 гг. В апреле 1816 г. сэр Хадсон Лоу предложил своему пленнику комплект «*Bulletins de la Grande Armée*», официальные документы египетской экспедиции и, кажется, несколько томов «*Moniteur*». До июня 1817 г. сэр Хадсон Лоу был единственным поставщиком библиотеки в Лонгвуде, обязанной ему, между прочим, комплектом «*L'Ambigu*», которую с 1803 г. издавал в Лондоне Пельтье, бывший редактор «*Actes des Ardôtres*». Наполеон ценил «*L'Ambigu*» за периодические обзоры парижской жизни и событий во Франции, это был для него удобный справочник.

В июне 1817 г. прибыла первая посылка, отправленная Наполеону его поклонниками, лордом и лэди Холленд; но это были сочинения, малоинтересные с точки зрения исторической работы. Поэтому император, по всей вероятности в начале 1818 г., распорядился составить список книг, которые он желал получить. В этот список вошли: «*Moniteur*» за 1807—1817 гг., «*Les Fastes des armées françaises*», а также из более специальных трудов ряд книг, относящихся к истории Консульства и итальянским проблемам. В 1818 г. прибыли четыре книжных посылки, из которых — две от британского правительства, одна, — адресованная врачу О'Меара, который между тем отбыл со Святой Елены, последняя — от лэди Холленд; третья содержала многие важные работы о кампаниях Наполеона. В 1819 г. в первой же посылке, среди большого количества брошюр и памфлетов того времени, оказалась «*Histoire des batailles, sièges et combats des Français de 1792 à 1815*», полезная как общий справочник. В сентябре прибыли врач-корсиканец Антомарки и священники с несколькими ящиками плохо подобранных книг, чаще всего дублирующих уже имеющиеся сочинения.

Благодатным был 1820 год: четыре посылки, из них две — от лэди Холленд, содержавшие среди других полезнейших работ «*Biographie nouvelle des contemporains*» Арно, «*La Correspondance inédite, officielle et confidentielle de Napoléon Bonaparte*», «*Documents historiques et réflexions sur le gouvernement de la Hollande*», принадлежащие перу его брата Луи. Но Наполеон, к тому времени уже больной, почти не работал больше. Еще три посылки прибыли в 1821 г.: последняя — плод неистощимого преклонения лэди Холленд — прибыла через пятнадцать дней после смерти императора.

Таким образом, если до июня 1816 г. Наполеон не имел почти никаких материалов для своей исторической работы, если вплоть до 1818 г., хотя и обладая самыми необходимыми сборниками, он располагал скудными материалами, то вскоре после этого вся документация его эпохи оказалась в его распоряжении: комплекты официальных журналов и газет, сборники официальных документов (бюллетеней, прокламаций, декретов), мемуары, сочинения о военном искусстве, сборники переписки.

К этому надо добавить газеты и брошюры, которые информировали его о состоянии общественного мнения того времени и позволяли ему давать нужную ориентацию диктуемым им сочинениям. Конечно, вплоть до июля 1818 г. Наполеон располагал довольно скудной информацией, хотя и полу-

¹³ О документации, которой располагал Наполеон, и о методе его работы см.: Ph. Gonnard. *Les origines de la légende napoléonienne*. Paris. 1906. (Эта работа послужила для нас основным источником при освещении данного вопроса).

чал газеты из трех источников. Губернаторы — сначала адмирал Кокбэрн, затем, с 14 апреля 1816 г., сэр Хадсон Лоу — регулярно отправляли в Лонгвуд газеты, которые они получали, главным образом «Times», но также и более благосклонную к Наполеону «Morning Chronicle», а иногда и более интересные для императора экземпляры «Gazette de France» или «Quotidienne». Другим поставщиком был адмирал Малкольм, командовавший сторожевой эскадрой с 17 июня 1816 г. до 29 июня 1817 г. и всегда старавшийся поддерживать с императором добрые отношения. Наконец, врач О'Меара выступал то в роли дарителя, то в роли посредника. Не подлежит сомнению, что, несмотря на все эти дары, до середины 1818 г. Наполеон был плохо осведомлен о событиях в Европе. Начиная с июля, он стал регулярно получать, по меньшей мере «Morning Chronicle» и, по-видимому, «Journal du Commerce» — новое название (с 24 июля 1817 г.) прежней либеральной «Constitutionnel». Если до тех пор «Times», единственная газета, которую он получал регулярно, и отдельные номера французских газет отражали только консервативную точку зрения, то отныне Наполеон мог иметь точное представление об отношении либеральной общественности к европейским делам.

Кроме всего этого, были брошюры, памфлеты и периодические издания, особенно начиная с 1818 г. 14 июля 1819 г. прибыла брошюра «Des élections en 1818» Бенжамена Констана; 7 июля 1820 г. — «Première et deuxième lettres» Грегуара; в конце 1820 г. — «Du Pape» Жозефа де Местра. Регулярно стали приходить журналы, либеральная «Minerve française» и равным образом либеральные «Bibliothèque historique ou Recueil de matériaux pour servir à l'histoire du temps» и «Lettres normandes ou Petit tableau moral, politique et littéraire adressées par un Normand devenu Parisien à plusieurs de ses compatriotes». В этот последний период Наполеон вполне мог быть в курсе движения идей в Европе.

* * *

Что касается исторических трудов Наполеона, то благодаря своим личным воспоминаниям и использованию сочинений, составлявших библиотеку в Лонгвуде, он в конечном итоге был их главным творцом. Но он окружил себя необходимыми сотрудниками, которые собирали нужные материалы и которым он диктовал. Это были генерал Бертран, генерал де Монтолон, генерал Гурго, граф де Лас-Каз и камер-лакей Маршан; все они были спутниками в его изгнании, начиная со дня отправления на Святую Елену, 7 августа 1815 г. на борту «Нортэмберленда».

Во время первой стадии работы Наполеон указывал одному из своих спутников, над каким периодом он собирается работать, и поручал ему подобрать необходимые данные по тем книгам, которыми они располагали. Иногда император сам руководил этими поисками. Например, 18 сентября 1816 г.: «Около пяти часов он позвал меня в свой кабинет, — пишет Лас-Каз в своем «Mémorial», — чтобы помочь ему разыскать материалы о внутренней Африке — о районах, соседних с Египтом. Эта идея занимает его уже несколько дней, он хочет сделать это предметом нескольких специальных глав в его «Campagne d'Égypte»¹⁴. И на следующий день, 19 сентября: «Император опять провел все утро, продолжая собирать сведения об источках Нила по разным новейшим сочинениям... Я помогал ему в этой работе».

Иногда Наполеон диктовал свои заметки, чтобы ориентировать своих сотрудников в поисках материалов. Мы располагаем одной из заметок, адресованных Лас-Казу, от 28 сентября 1816 г., о разыскании материалов по Консульству и начальному периоду империи: она намечает основные линии развития темы, заранее делит ее на главы и точно указывает, какую работу надо произвести. «Лас-Каз сначала велит маленькому Эмманюэлю (сыну Лас-Казы) разобрать у него на глазах номера «Moniteur» за это вре-

¹⁴ Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. Мы придерживаемся здесь издания, подготовленного А. Фюжье (Paris, Garnier, 1961, 2 vol. in —8°). Ссылки даются по датам.

мя (со времени разрыва Амьенского мирного договора в 1803 г. до битвы при Иене 14 октября 1806 г.); он должен просмотреть, по меньшей мере, шесть или семь номеров в день... Понадобится, по меньшей мере, шесть месяцев этого просмотра, прежде чем мы приступим к работе». Необходимо «все разобрать по событиям, с указанием страницы и месяца, о чем бы ни шла речь». Это надо понимать так, что Лас-Каз должен был отметить по каждому номеру все факты без исключения и распределить их по нескольким рубрикам, указанным самим Наполеоном. В самом деле, он продолжает: «Мы примем за основные факты: 1) историю флотилии; 2) декларацию Австрии; 3) продвижение эскадр; 4) битву при Трафальгаре; 5) Ульм, Аустерлиц; 6) Венский мирный договор; 7) переговоры с лордом Лендерсдэйлем в Париже, 8) битву при Иене». Наконец, «Отнести в соответствующие места: 1) заговор Жоржа (Кадуала); 2) дело герцога Энгийенского; 3) коронование императора римским папой; 4) организацию империи». Стало быть, задача заключалась в том, чтобы выделить факты, которые, переплетаясь хронологически, относятся к различным событиям. Простой и очень практичный метод.

Затем начинается вторая стадия работы, когда Наполеон участвует лично, отправляясь от заметок, собранных его помощниками. Восстановив в памяти факты своей истории, он диктует одному из своих спутников главу или часть главы: это пока лишь первая диктовка, «воспоминания без обдумывания, без классификации», как говорит де Монтолон в своих «*Récits de la captivité*». В своем «*Mémoires*» под датой 1—3 октября 1815 г. Лас-Каз рассказывает, что император сначала в течение нескольких минут оставался как бы погруженным в мечты, «затем он вставал, принимался ходить по комнате и начинал диктовать. С этого момента это был совсем другой человек. Речь текла как из родника, он говорил как бы по вдохновению; выражения, места, даты, ничто уже его не останавливало». Так как Наполеон диктовал очень быстро¹⁵, записи делались как придется; вечером секретарь приводил их в порядок.

На другой день, имея в руках переписанные заметки, император диктовал вторую версию. «На следующий день,— продолжает Лас-Каз,— я приносил ему в готовом виде то, что он продиктовал. При первом же исправлении, которое он указывал, он продолжал диктовать на эту же тему, как если бы ничего не сказал накануне; разница между этой второй версией и первой была очень большой; эта версия была более позитивной, более обстоятельной, более стройной; она часто даже по существу отличалась от первой версии». Затем секретарь опять все приводил в порядок.

«На третий день, при первом же исправлении, опять такая же операция и третья диктовка, которая основывалась на двух предыдущих и согласовывала их». После второго или третьего приведения в порядок запись обычно служила Наполеону черновиком для его личной работы; он ее исправлял своей рукой, обычно карандашом, если верить Монтолону. С этого момента текст в основном уже был отработан, но еще подлежал многим сверкам и исправлениям. «С этого момента,— пишет Лас-Каз там же под датой 1—3 октября 1815 г.,— если бы даже он диктовал четвертый, седьмой, десятый раз, что было не исключено, это уже были точно те же идеи, то же расположение частей, почти те же выражения; поэтому почти уже не приходилось брать на себя труд записывать».

Если таким был обычный метод сочинения, то иногда случалось, что Наполеон пересматривал версию, которую уже можно было считать окончательной. По мере того, как его библиотека и документация становились богаче, не раз бывало, что, оказавшись обладателем более обширного материала, он начинал сначала или дополнял уже отработанную продиктован-

¹⁵ «Император диктует очень быстро,— отмечает Лас Каз в своем «*Mémoires*» под датой (19—22 сентября 1815 г.,— почти так же быстро, как разговаривает: мне пришлось выработать себе нечто вроде иероглифического письма».

ную запись. В этих случаях при тех же методах сочинения, но с более обильным материалом, появлялась вторая версия. Так обстояло дело с «Campagnes d'Italie» (1796—1797), коим предшествуют «Siège de Toulon», «Opérations de l'armée d'Italie» (1792—1795), «Treize vendémiaire».

Наполеон начал диктовать Лас-Казу на борту «Нортэмберленда» 9 сентября 1815 г. «Наконец, император решился и в субботу 9 сентября, вызвав меня в свою каюту, он впервые продиктовал мне кое-что об осаде Тулона». От этого он быстро перешел к итальянским кампаниям, — отмечает Лас Каз под датой 1—3 октября 1815 г. — «поначалу не нашлось никаких других материалов, кроме плохого сочинения, озаглавленного «*Guerres des Français en Italie*», в котором не было ни обоснования, ни ясно поставленной задачи, ни хронологической последовательности; император бегло просмотрел его, остальное дополнила его память». Работа эта продолжалась, главным образом с Лас Казом, на борту «Нортэмберленда» («Отныне император диктовал мне регулярно о своих итальянских кампаниях» — 19—22 сентября 1815 г.), а затем в Брайерс, первой резиденции на Святой Елене, при наличии столь же скудных источников¹⁶.

Эта первая версия была исправлена и пересмотрена, начиная с ноября 1815 г., при помощи «*Annual Register*», комплект которого за 1793—1807 гг. Наполеон получил от одного жителя острова. «При нашей бедности, — пишет Лас Каз под датой 6 ноября, — это было богатое приобретение»; в самом деле, этот сборник давал «последовательное, довольно хорошо составленное описание событий каждого года, а также некоторые из наиболее важных официальных документов». «*Les Bulletins de la Grande Armée*», одолженные Хадсоном Лоу в апреле 1816 г., и комплект «*Moniteur*», прибывший в июне, позволили снабдить сочинение оправдательными документами и внести некоторые исправления в деталях: коренной переработки не понадобилось¹⁷.

5 октября 1816 г. Наполеон распорядился сжечь все черновики этого сочинения, которые Лас Каз бережно хранил, и оставил лишь «два законченных экземпляра». Однако 25 ноября 1816 г. Лас Каз был увезен из Лонгвуда за попытку ведения тайной переписки с Европой. 30 декабря он был выслан с острова. На его бумагах был наложен арест, среди них находилась по крайней мере часть обеих копий. Наполеон их затребовал. Лас Каз попросил позволения сохранить у себя несколько глав, и император дал на это свое согласие: они были частично опубликованы в «*Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte-Hélène*», вышедшем в 1821—1825 гг. в двенадцати томах, а затем были помещены в «*Mémorial*» в различных местах. Рассказ об осаде Тулона, который Гурго дал в первом томе «*Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon*», вышедшем в 1822 г., по-видимому, тоже принадлежит к этой первой версии.

Между тем начиная с 1818 г. Наполеон располагает более обширной документацией и новыми источниками: он возобновил работу с самого начала и полностью продиктовал новую версию. Ее-то мы и находим в последующих изданиях «*Mémoires*».

Так же обстояло дело и с «*Campagne d'Égypte*». Наполеон начал диктовать эту работу в Брайерсе; затем он продолжал диктовать, используя «*Annual Register*», отдельные номера «*Moniteur*» и «бюллетени». Он допол-

¹⁶ «Я ему читал то, что он мне продиктовал накануне и что мой сын утром переписал; он меня исправлял и диктовал мне для следующего дня» (*Las Cases, Mémorial*, 25—27 октября 1815 г.). «После завтрака и получасовой беседы я читал ему то, что он продиктовал мне накануне, а он диктовал мне снова для следующего дня» (1—4 ноября 1815 г.). «Он продиктовал мне портреты генералов, служивших в Итальянской армии» (6 ноября 1815 г.)

¹⁷ «Император вызвал меня с моим сыном и указал нам, какую работу нам следует сделать по «*Moniteur*» для завершения и проверки глав нашей «*Campagne d'Italie*»... Надо было подобрать в «*Moniteur*» все доклады, официальные письма, так чтобы составить из них оправдательные документы» (*Las Cases, Mémorial*, 26 июня 1816 г.).

нил ее с помощью сочинений древних авторов, которые он получил в июне 1816 г.: Геродота, Страбона. «Император вернулся к своим изысканиям об Египте,—отмечает Лас Каз 22 сентября 1816 г.— Он дал мне перелистать Страбона». И опять (25—27 сентября): «Вот уже несколько дней император работает с большим увлечением. Все утренние часы проходят в поисках сведений об Египте у древних авторов. Мы вместе просмотрели Геродота, Плиния, Страбона». Подобно тому, как это сделал Лас Каз с записями об итальянской кампании, Гурго, покидая по довольно неясным мотивам Святую Елену 14 марта 1818 г., увез несколько глав из «Campagne d'Égypte», в сочинении которых он принимал большое участие; он опубликовал эти главы в 1822 г. в «Mémoires». После отъезда Гурго Наполеон, к тому времени располагавший более широкой документацией, полностью обновил работу и в течение 1819 г. продиктовал новую версию Монтолона: это и есть та версия, которую генерал Бертран опубликовал в 1847 г. под заглавием «Campagnes d'Égypte et de Syrie».

Такие же превратности претерпело и описание кампании 1815 г. Наполеон, буквально одержимый воспоминаниями о Ватерлоо, начал диктовать их 6 октября 1815 г. на борту «Нортэмберленда». Он постоянно возвращался к этой работе и исправлял ее при помощи новых материалов, которые получал. Так, 26 августа 1816 г. Лас Каз отмечает в своем «Mémorial»: «Император велел читать то, что он продиктовал генералу Гурго о сражении при Ватерлоо. Какие это страницы!... Как больно читать их!... Судьба Франции зависела от такой малости!». Наполеон не в состоянии был понять причины своего поражения, он без конца возвращался к своему повествованию, которое, таким образом, переделывалось в марте, в мае и в июне 1817 г. Гурго, покидая Святую Елену, увез черновик этой продиктованной записи в ее последнем варианте и опубликовал ее в 1818 г. под названием «Campagne de 1815 écrite à Sainte-Hélène». Но Наполеон вернулся к этому тексту в июне 1820 г. и полностью переделал его. Он смог его переслать в Англию в адрес О'Меара, и в том же, 1820 г. в Париже и в Лондоне вышли «Les Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815».

* * *

Для того чтобы получить живое представление о методе, о приемах работы Наполеона, необходимо сопоставление последовательных версий.

Часто дело ограничивается незначительными изменениями. Многие главы «Campagnes d'Italie» более или менее тождественны в версиях Лас Каза и Монтолона. То же относится и к «Campagnes d'Égypte et le Syrie» в версиях Гурго и Бертрана. И так же обстоит дело с историей кампании 1815 г. в версиях Гурго и О'Меара. Тем не менее есть различия, изменяющие окраску текста.

Вторая, лучше документированная версия дает более точное, более обстоятельное изложение; в ней больше оправдательных документов, как если бы Наполеон решил предоставить слово документам. Это можно видеть на примере главы о битве при Абукире (1 августа 1798 г.), во время египетской кампании: в первой версии Наполеон описывает и прямо критикует поведение адмирала Брюэса; во второй версии эта критика дана в содержании депеш, посланных Брюэсу Бонапартом.

Еще более заметна разница в тоне первой и второй версий. Тон, вначале непосредственный, становится более сдержанным; личные черты Наполеона ступшевыаются: важно дать образ императора перед лицом истории. Это уже не воспоминания, а повествование, которое хочет быть безличным и достойным. Автор, как историк, рассматривает события как бы со стороны. В первой версии Наполеон иногда говорит во множественном числе первого лица: «мы сражались», «нам пришлось испытать». Это «мы» исчезает во второй версии: «армия сражалась», «армии пришлось испытать». Вместо «Наполеона» в первой версии появляется «главнокомандующий».

В первой версии солдаты в обращении к генералу употребляют республиканское «ты», во второй — «вы». Много размышлений и отступлений исчезают во второй версии, потому что они имеют слишком личный характер или не связаны непосредственно с рассказом. Так обстоит дело с размышлениями о Конституции III года в главе, посвященной 13 вандемьера, с замечаниями о морской войне в связи с Абукиром; рассуждения о религии занимают в «*Campagne d'Egypte*» четырнадцать страниц в издании Гурго и только шесть страниц в издании Бертрана. В первой версии своих «*Observations sur la campagne de 1815*» Наполеон, подавленный своим поражением, оправдывается и пытается доказать, что ответственность за это ложится не на него; во второй версии он, овладев собой, высказывает суждения и заканчивает осуждением Нея и Груши: перемена тона разительна.

Бывают и более существенные изменения. Сопоставляя две версии «*Campagnes d'Italie*», мы видим, что первая — более хронологична, вторая — более логична. В первой — Наполеон переплетает военные и дипломатические события, обычно ставя в центре главы какое-нибудь сражение. Во второй — изложение дипломатических переговоров дается более обстоятельно и образует содержание отдельных глав. Во второй версии «*Campagnes d'Italie*» появляется отдельная глава о дипломатических переговорах 1796 г., элементы которой в первой версии входили в состав главы, посвященной сражению у Арколе. Так проявляется стремление превратить то, что было лишь «воспоминаниями» или мемуарами, в подлинное историческое произведение.

Изложение некоторых событий оказывается полностью переработанным при переходе от одной версии к другой; так обстоит дело с «*Le Siège de Toulon*», выросшим с 31 страницы до 55, с главой о Леобене в «*Campagnes d'Italie*», с большей частью «*Campagne d'Egypte*» (описание Египта разрослось с 27 до 92 страниц). Это не только увеличение объема: уточняется хронология, более логично увязаны факты и, наконец, облегчается понимание текста. В первом варианте «*Siège du Toulon*» Наполеон рассказывал о вылазке, произведенной англичанами 30 ноября 1793 г., после чего он возвращался к событиям 11 ноября. Это был первый набросок: воспоминания как бы случайно всплывали в памяти, освещая наиболее выдающиеся эпизоды, но без логической связи. Во второй версии Наполеон восстановил порядок и из ряда личных воспоминаний сделал историческую главу.

Рассматривая в целом «*Campagnes d'Italie*» или «*Campagne d'Egypte*», мы замечаем все ту же заботу об улучшении композиции при переходе от первой версии ко второй. В первой — каждая глава образует некое самодовлеющее целое. Во второй — все сочинение в своей совокупности лучше увязано, появляются вводный и заключительный параграфы, каждая глава представляет часть единого повествования. Здесь тоже бросается в глаза стремление дать связное и методическое изложение.

Точный разбор документов, последовательная редакционная обработка в целях достижения все большей ясности и логичности изложения — такой метод представляется надежным. Напомним, что Наполеон имел в виду оставить только окончательное выражение его мысли: черновики сжигались и лишь, скрепя сердце, доверил он несколько глав Лас Казу. Старательно составленные мемуары хорошо отражают мысль Наполеона в ее окончательной форме.

* * *

Для общего обозрения совершенной Наполеоном на Святой Елене исторической работы надо еще уяснить такой вопрос: что представляет собой эта серия исторических сочинений? Какова их хронология? Каковы даты завершения отдельных сочинений? Каковы эти отдельные сочинения?

Приходится сразу отметить одно обстоятельство: в сочинениях недостает главной части. Наполеон остановился на периоде 1793—1801 гг., он

работал над событиями 1815 г., но почти ничего не оставил о центральном периоде Консульства и империи.

О первом периоде Наполеон оставил четыре группы сочинений. Во-первых, «Campagnes d'Italie» (1796—1797) и предпосланные им «Siège de Toulon» и «Treize Vendémiaire», по некоторым главам мы располагаем двумя версиями этого текста, из коих одна — Лас Каза (1815—1816 гг.) и другая — Монтолона (1818—1819 гг.). Затем «Campagnes d'Égypte et de Syrie» (1797—1801), тоже в двух версиях: первую в основном Наполеон диктовал Гурго в 1815—1818 гг., и она была опубликована в «Mémoires» издания 1822 г.; вторую писал Монтолон в 1819 г., а опубликовал Бертран в 1847 г. Дальше идут главы, посвященные эпохе Директории («Administration intérieure du Directoire. Précis des événements militaires» (1798, 1799), которые служат предисловием и как бы оправданием 18 брюмера; сведений о работе над этими главами, написанными, вероятно, в конце 1817—начале 1818 г. с участием Монтолона (который опубликовал их в «Mémoires» издания 1822 г.), у нас мало. Четвертая группа сочинений включает 18 брюмера и начальный период Консульства («Consuls provisoires», «Gênes», «Marengo»).

Эти тексты редактировались самым тщательным образом; работа была начата еще в октябре 1815 г. и долгое время продолжалась, сначала с Гурго; затем Наполеон возобновил ее, но не достиг, по-видимому, окончательной редакции; законченные главы этой работы Гурго опубликовал в «Mémoires» в 1822 г.

Концу государственной деятельности императора посвящены два сочинения. На протяжении всего своего изгнания Наполеон работал над «L'île d'Elbe et les Cent Jours», главным образом с Монтолоном; но эти главы, вероятно, по политическим соображениям, не были опубликованы в «Mémoires pour servir à l'Histoire de France», ни в издании 1822 г., ни в издании 1830 г.; они вышли в свет только в 1869 г. Первая редакция «Campagne de 1815», как мы видели, была начата на борту «Нортэмберленда» и опубликована Гурго в 1818 г., вторую редакцию опубликовал О'Меара в 1820 г.

Время, предшествовавшее 1793 г., и промежуточный период (1801—1814) получили некоторое отражение лишь в отрывках. В «Mémorial» Лас Каза опубликованы заметки об отроческих годах Наполеона, продиктованные 5 октября 1816 г., но включенные в текст рассказа от 27—31 августа 1815 г., и заметки о Конвенте, продиктованные 12 июня 1816 г. Эти фрагменты более многочисленны в «Récits de la captivité de l'Empereur», опубликованных Монтолоном в 1847 г.: о внутренней политике Наполеона (20 августа 1820 г.), об испанских делах (21 ноября 1820 г.), о переговорах в Дрездене в 1813 г., о польском вопросе.

Такой же интерес, как и собственно исторические работы Наполеона, представляют сочинения, написанные им на Святой Елене в опровержение или для исправления появлявшихся публикаций о нем и об его сочинениях; в этих сочинениях, написанных по определенному случаю, вплотную рассматриваются политические вопросы и преобладает апологетическая тенденция.

В 1816 г. было написано сочинение из десяти глав, опубликованное затем в Лондоне в 1818 г. (вероятно, заботами О'Меара) под названием «Manuscrit de l'île d'Elbe ou des Bourbons en 1815». Этим же 1816 г. датированы заметки о книге аббата де Прадта «Histoire de l'ambassade dans le grand-duché de Varsovie», изданной в 1815 г. и полученной в Лонгвуде весною 1816 г.

В 1817 г. (в этот год Наполеон очень много работал) были написаны, в числе других, «Lettres dites du Cap» — одно из самых ценных сочинений периода Святой Елены, которое Наполеон писал с марта по август в ответ на письма о нем, опубликованные доктором Уорденом, врачом на борту

«Нортэмберленда»¹⁸. В том же 1817 г. были написаны «Notes sur les lettres écrites de Paris pendant le dernier règne de l'Empereur Napoléon», которые были опубликованы только в 1869 г.¹⁹ Все в том же 1817 г. Наполеон и его спутники были сильно заинтересованы опубликованным в том году в Лондоне «Manuscrit venu de Sainte-Hélène d'une manière inconnue». Автор, некий Люллен де Шатовьё, личность которого позднее была установлена, давал в этом сочинении якобы рассказ самого Наполеона о его жизни. Сочинение это прибыло на Святую Елену 5 сентября 1817 г. Три дня спустя императором уже были продиктованы сорок довольно коротких заметок; в дальнейшем О'Меара и Гурго последовательно опубликовали эти заметки, вошедшие затем, в расширенной версии, в «Mémoires» издания 1822 г.

Наконец, не говоря о многих других сочинениях, написанных в связи с определенными обстоятельствами, следует отметить, помимо «Mémoires», еще одну серию сочинений Наполеона, написанных на Святой Елене: это — сочинения, относящиеся к военному искусству и к военной истории вообще. Работы о великих полководцах: «Précis des campagnes de Turenne et de Frédéric II», опубликованных вместе с «Mémoires» в 1822 г.; «Précis des guerres de César», изданной Маршаном в 1836 г. вместе с несколькими отрывками литературного характера. Сюда же относятся заметки о книге, опубликованной Ллойдом в 1784 г. под названием «Introduction à l'histoire de la guerre de 1756 en Allemagne». Теоретические работы по вопросам военного искусства: «Projet d'une nouvelle organisation de l'armée», «Essai sur la fortification de campagne»; обе были опубликованы только в издании 1869 г.

Сказанное дает представление о масштабах и разносторонности сочинений, созданных Наполеоном на Святой Елене. Они потребовали от автора напряженной работы, которая велась упорно и методически. Не настаивая здесь на литературной ценности этих сочинений, давно уже признанной, напомним, что не эта сторона интересовала Наполеона. Прежде всего он ставил себе целью путем ясного и логического изложения убедить своего читателя. Этим объясняются простой тон и точность языка, придающие некоторым главам подлинно эпическое величие. Этим же в других местах объясняется и убедительность рассуждений, красноречивая сила логики. Нам остается выяснить историческую ценность этих сочинений.

III

«Mémoires» начинаются с рассказа об осаде Тулона (август — декабрь 1793 г.). О беспокойном существовании Бонапарта в первые годы революции — ни слова. Ни слова об его многочисленных и длительных побывках на Корсике, о междоусобной борьбе между корсиканцами. Ни слова о том, что можно назвать «корсиканским миражем» капитана Бонапарта.

Особенно важное значение имело последнее пребывание на родном острове, с 10 октября 1792 г. до 10 июня 1793 г. Перед лицом клана Паоли Бонапарт принял сторону партии патриотов. Было ли это сделано по внутреннему убеждению, или из оппортунистических соображений?.. В феврале 1793 г. Бонапарт принимал участие в экспедиции против крепости Ла Маддалена в Сардинии и в оккупации островка Сан-Стефано (23 февраля): он там командовал артиллерией — именно тогда прогремели первые пушечные выстрелы наполеоновской истории. Обо всем этом мы не находим

¹⁸ W. Warden. Letters written on board of H. M. S. the Northumberland and at Saint-Helen, London, 1816. Ответные «Письма» Наполеона появились сперва на английском языке: «Letters from the cape of Good Hope, in reply to Mr. Warden, with extracts from the great work now compiling for publication under the inspection of Napoleon» (London, 1817) Французский перевод озаглавлен: «Documents particuliers en forme de lettres sur Napoléon Bonaparte, d'après les données fournies par Napoléon lui-même» (Paris, 1819).

¹⁹ Эти «Notes» являются ответом на кн.: *Hobhouse*. The substance of some letters written by an englishman resident at Paris during the last reign of the emperor Napoleon (London, 1816); французский перевод вышел в Брюсселе в 1817 г.

ни слова в письменных мемуарах, написанных на Святой Елене, и очень мало в устных мемуарах. Наполеон был занят ваением своего собственного монумента для потомства — и для его легенды было необходимо затушевать воспоминания об его первых честолюбивых корсиканских мечтаниях.

29 мая 1793 г. Консульта, заседаая в Кортe под председательством Паоли, обрекает на «вечное проклятие и позор» Бонапартов, «рожденных в мерзости деспотизма» (французского). 10 июня Бонапарт и его родня отплыли в Тулон: волей-неволей он оказывается в водовороте Революции, среди убежденных патриотов. Сочинения, написанные на Святой Елене, странным образом хранят молчание об этом яacobинском периоде. Между тем если Бонапарту в то время удалось выйти из трудного положения, то он был обязан этим своим политическим друзьям. Он получил назначение в чине капитана в Итальянскую армию. Точнее говоря, он был занят собиранием и доставкой запасов пороха. Во время этих переездов ему пришлось присутствовать при освобождении Авиньона от федералистов 25 июля 1793 г., а затем при освобождении Марселя 25 августа того же года.

Во время кризиса лета 1793 г. Бонапарт пишет и публикует «Le souper de Beaucaire». В конце июля на постоялом дворе идет разговор между буржуа из Нима, фабрикантом из Монпелье, купцом из Марселя и одним военным, а именно — самим Бонапартом. Дело заключается в том, чтобы убедить марсельца, взбешенного устранением жирондистов из Конвента и сторонника федералистского мятежа, в том, что «дело Горы есть дело всей нации», что «Конвент — это центр единства», что спасти надо «республику, которая с момента рождения окружена самой чудовищной из коалиций, угрожающей задушить ее в колыбели»: это тезис объединения вокруг Горы. В ходе дискуссии военный становится «на сторону наиболее энергичных, на сторону тех, кто, благодаря принятому решению, благодаря своей твердой позиции, смелости и быстроте действий, благодаря своей суровости и непоколебимости, гарантирует Францию от победы чужеземцев». Здесь Бонапарт отстаивает яacobинские позиции. Нельзя оспаривать искренность его выступления. Но на этот яacobинский эпизод он вскоре бросит вуаль забвения. Если верить тому, что говорит Бурьенн в своих «Мемуарах», Бонапарт в начале Консульства приложил все усилия, чтобы разыскать «Souper de Beaucaire», «по дорогой цене скупал все экземпляры для того, чтобы уничтожить их». «Это небольшое сочинение, — продолжает Бурьенн, — содержит принципы, прямо противоположные тем, торжество которых он хотел обеспечить в 1800 г., в эпоху, когда чрезмерность этих идей была уже не в моде и когда он включился в систему, совершенно противоположную тем республиканским принципам, о которых ему можно было напомнить, имея в руках его сочинение».

Скажем так — Наполеон обладал избирательной памятью. Конечно, несмотря на несколько апологетический тон изложения, нет оснований в чем-либо упрекать его по поводу его рассказа об осаде Тулона. Его действия там были замечательными и, в некоторых отношениях, решающими. Но кое-какие упущения знаменательны. Если Наполеон охотно вспоминает похвалы, которыми его осыпал генерал Дюгомье, и содержание письма, посланного последним в Комитет общественного спасения, в котором он просил произвести Бонапарта в бригадные генералы («Наградите и продвиньте этого молодого человека; ибо, если проявить к нему неблагодарность, он сам себя продвинет»), то, с другой стороны, он совершенно не упоминает о Робеспьерах. А между тем именно Огюстен Робеспьер, в то время представитель Конвента при Итальянской армии, писал 16 жерминаля II года (5 апреля 1794 г.) своему брату Максимилиану, обращая его внимание на «гражданина Бонапарта, генерала, командующего артиллерией, исключительно достойного человека. Он корсиканец; для меня гарантией является уж то, что, будучи человеком этой нации, он не поддастся ласкам Паоли, и его имя было опустошено этим предателем». А Шарлотта Робеспьер будет долго хра-

нить память о нем и хвалить молодого генерала, «столь пылкового республиканца». В быстром продвижении Бонапарта после осады Тулона сказывается действие определенного политического фактора: покровительства Робеспьеров.

Был момент, когда это покровительство, казалось, разбило его карьеру. О 9 термидора и падении Робеспьера стало известно в Ницце 18 термидора (5 августа 1794 г.). Находившиеся там представители в миссии, в числе которых был и слышавший робеспьеристом Саличетти, соображают, куда дует ветер, и спешат дать доказательства своей преданности новому большинству в Конвенте: 19 термидора Бонапарт — человек двух Робеспьеров, их «сочинитель планов» — отстранен от командования и заключен в Фор-Карре в Антибе. Он был освобожден 14 сентября 1794 г.²⁰

Бонапарт был робеспьеристом во время террора больше по необходимости, конечно, чем по убеждению. Когда он стал консулом, а затем императором, это революционное прошлое стесняло его. Этим и объясняется умолчание в сочинениях, продиктованных на Святой Елене. Но что касается самого Робеспьера, то Наполеон говорил о нем со своими спутниками в изгнании: «Тем не менее он считал его подлинным козлом отпущения революции», — пишет Лас Каз в «Mémoires» под датой 18 ноября 1815 г. На Святой Елене Наполеон понял всю пользу, которую он мог извлечь из сопоставления между Робеспьером и им самим. Он признавал, продолжает Лас Каз, «что, находясь в Итальянской армии, видел пространные письма от него (Робеспьера) брату, в которых тот осуждал ужасы, творимые комиссарами Конвента, которые губят, писал он, революцию своей тиранией и своими жестокостями». Робеспьер, подобно Мирабо, подобно Дантону, хотел остановить революцию («когда он свалил бешеные клики, с которыми ему пришлось бороться, он намеревался восстановить порядок и умеренность»), но, подобно им, он потерпел неудачу. Но тут успех выпал на долю Бонапарта: 18 брюмера — это как бы опрокинутое 9 термидора, где Бонапарт, этот Робеспьер в ботфортах, отстранил от власти развращенных людей и, сохраняя в целостности завоевания революции, положил конец гражданским войнам. Великолепная тема для легенды!

Этот связанный с Термидором эпизод породил у Бонапарта какую-то горечь, как об этом свидетельствует его письмо от 27 термидора (14 августа 1794 г.): «С тех пор, как мне кажется, что я потерял уважение свободных душ, разум поддерживает мое душевное спокойствие, но сердце мое потрясено, и я знаю, что с холодным разумом и пылким сердцем нельзя решиться долго жить под подозрением». На пути карьеры Бонапарта в то время встал Обри — жирондист, вернувшийся после того, как он был отстранен якобинцами, а теперь докладчик в Конвенте по военным вопросам, который резко критиковал «его преждевременное продвижение и безудержное честолюбие». Наполеон в своем «Précis des opérations de l'armée d'Italie» дает другое объяснение: «Этот представитель возразил, что есть много генералов артиллерии и что он самый молодой из них, что, как только окажутся вакантные должности, его позовут. Но ведь Обри всего лишь за шесть месяцев до этого был еще капитаном артиллерии; он не воевал во время революции, а тем не менее он себя провел, как дивизионного генерала, инспектора артиллерии».

15 сентября 1795 г. ввиду того, что Бонапарт отказался служить в Вандее, его исключили из кадров армии. 9 термидора перевернуло не только его военную карьеру, но и его политическое сознание. Об этой драме, усугубленной сердечными заботами («Дезире не пишет мне больше...»), нет ни слова в сочинениях, написанных на Святой Елене.

²⁰ J. Tulard. Robespierre vu par Napoléon.— «Actes du colloque Robespierre». Paris, 1967, p. 35.

Твердой рукой набрасывает Наполеон легенду о 13 вандемьере. Данное им изображение бессилия термидорианского Конвента принято историографией, так же как и описание роли, которую он играл в тот день. Конечно, он уверенно ориентируется и быстро принимает решение, как об этом свидетельствует захват егерями Мюрата поставленной у Саблон артиллерии. Но не раздут ли пресловутый эпизод с обстрелом картечью роялистов, засевших на паперти и внутри церкви Сен-Рок? «Тогда батареи открыли огонь,— диктует Наполеон,— одно 8-фунтовое орудие, установленное у тупика Дофен, дало выстрел, послуживший сигналом. После нескольких залпов Сен-Рок была взята... В шесть часов вечера все было кончено». В действительности мятежники, по-видимому, оставили церковь Сен-Рок только на следующий день, никем не потревоженные.

Также преувеличена роль Бонапарта как главнокомандующего внутренней армией (его назначение на этот пост состоялось 26 октября 1795 г.): «Для преодоления стольких препятствий, для сохранения спокойствия в столице, несмотря на столь неприятные и серьезные обстоятельства, требовались,— по мнению Наполеона, высказанному на Святой Елене,— необыкновенная активность и быстрота действия». Главнокомандующий внутренней армии был прообразом префекта полиции при Консульстве. Так как неоякобинский клуб Пантеона несколько беспокоил Директорию, «главнокомандующему пришлось печатать помещение, где происходили собрания, и члены клуба не пошевелились, пока он присутствовал».

Другая легенда, внесенная Наполеоном в ту же запись о 13 вандемьера: это начало его отношений с Жозефиной. «Наполеон познакомился с мадам де Богарне, когда он командовал в Париже». Мы знаем этот эпизод (в надлежаще приукрашенном виде): Евгений приходит просить вернуть ему шпагу отца, казненного во время террора; Бонапарт, «тронутый характером просьбы и очарованием его возраста», удовлетворяет его просьбу; мадам де Богарне приходит на следующий день выразить свою благодарность. «Знакомство вскоре становится интимным и нежным, и они не замедлили вступить в брак». Идиллическое преобразование!

9 марта 1796 г., за два дня до своего отъезда в Итальянскую армию, Бонапарт вступил в гражданский брак с мадам де Богарне. Его первое письмо к «милой и несравненной Жозефине» датировано 28 октября 1795, оно предшествовало браку более чем на четыре месяца. Это письмо не оставляет сомнений относительно характера их отношений: «Просыпаюсь, полон тобою. Твой портрет и воспоминание об упоительном вчерашнем вечере не дают покоя моим чувствам... О! Этой ночью я хорошо понял, что ваш портрет — это не вы, и что... [Здесь два слова зачеркнуты]. Жозефина или «отдых война».

Это не все. Как стыдливо пишет один мемуарист, который был пажем при императорском дворе,— Марко де Сент-Илер, Жозефина «приезжала иногда в Шайо навестить Барраса». Жорж Лефевр ставит вопрос прямо в своей «*Révolution française*»: «Трудно допустить, что Бонапарт не знал о ее связи с Баррасом и что влияние, которое она сохраняла, не пошло ему на пользу, но он любил ее страстно». В самом деле, его письма из Италии подтверждают эту цитату! Эта действительность затушевывается в сочинениях и разговорах на Святой Елене. Щеголиха времен Директории, выведенная вместе со своими двумя подругами, мадам Тальен и мадам Амлен, в небольшом сочинении «*Zoloé et ses deux acolytes*», которое навлекло на маркиза де Сад бешеный гнев первого консула и стоило ему тюремного заключения, эта щеголиха уступила место императрице Жозефине, «доброй, милой, очень приязнанной к своему мужу»²¹.

²¹ См. в «*Mémoires*» Лас Каза, под датой 11—13 ноября 1815 г., данное Наполеоном сравнение двух императриц, Жозефины и Марии-Луизы.

11 марта 1796 г. Бонапарт отбыл из Парижа в свою штаб-квартиру, находившуюся в Савоне. Авантюра началась.

* * *

В связи с итальянскими кампаниями, о которых Наполеон продиктовал на Святой Елене почти легендарное повествование, мы отметим лишь некоторые обстоятельства, по понятным соображениям обойденные мемуаристом полным молчанием.

Известна знаменитая прокламация от 27 марта 1796 г.: «Солдаты, вы раздеты, голодны... Я хочу вас повести в самые плодородные равнины мира. Богатые провинции, большие города окажутся в вашей власти; вы найдете там честь, славу, богатство...». Этот текст позволяет измерить путь, пройденный после II года республики. 12 февраля 1793 г. Сен-Жюст заявлял в Конвенте: «В ожидании победы вы не должны рассчитывать лишь на численность и дисциплину солдат. Вы добьетесь победы только в меру роста республиканского духа в армии». Чувство преданности нации сменялось, при поощрении главнокомандующего, духом приключений и грабежа. Выхолащивалась республиканская и гуманная сущность патриотизма. На смену духу гражданственности и революционному энтузиазму приходили военная слава и национальное тщеславие. Пройдет еще некоторое время — и солдаты, расположившись в чужих странах, станут боготворить своего начальника... Фактически в рассказе об итальянских кампаниях солдат отсутствует; по существу, дело сводится к анализу военных операций.

Отсутствует также не главнокомандующий, но Бонапарт как человек. Часто подчеркивалось большое значение итальянских кампаний для формирования и эволюции Бонапарта. Впервые у него в руках все полномочия, военные, политические, дипломатические, а также финансовые. Мало-помалу он устраняет контроль со стороны гражданской власти, представленной двумя комиссарами Директории — его земляком Саличетти и непостоянным Гарро. Он создает себе клиентелу «посредством великой и умной политики», как отмечает Дезэ (Desaix) в своем «Journal». Войскам он обещал «честь, славу и богатство». Он «продвинул многих офицеров, особенно из числа молодых людей, используя их по возможности на высших должностях». Так мало-помалу рождается особый дух Итальянской армии и создается ее миф. «Вы вернетесь тогда к вашим очагам и ваши соотечественники скажут, указывая на вас: Он был в Итальянской армии!»²². Самым худшим, непреложным осуждением стало: «Вы не достойны служить в Итальянской армии».

В то же время изменяется сам человек. Бонапарт, республиканец и спартаец, развращается и портится. Весной 1797 г. главнокомандующий обосновался в замке Момбелло, около Милана; там он устроил свой двор и вызвал туда Жозефину. Как настоящий римский проконсул, завоеватель и государственный деятель, он принимается за организацию завоеванной им территории. «Это — Юлий Цезарь в Галлии», — пишет о нем историк Альбер Сорель. Если сочинения, написанные на Святой Елене, упоминают об этом великолепии: «В самом деле, это был блестящий двор», то они обходят молчанием эволюцию героя, «освободителя Италии».

Теперь этот спартаец окружает себя нечистоплотными финансистами, вроде Аллера, которого он назначает казначеем армии, или Амлена, которого Жозефина ему представила, не забыв получить с него взятку. Бонапарт разбогател. «Я вернулся из итальянской кампании, — сказал он сам однажды (так пишет Лас Каз²³), — не имея даже 300 тысяч франков». Спрашивается, как он смог при этом купить дом на улице Шантрэн, переименованной в его честь в улицу Победы?

²² Приказ по армии от 15 мая 1796 г., Милан.

²³ Las Cases. Mémoires de Sainte-Hélène, vol. I, p. 115.

Этот республиканец постоянно отказывал государству в повиновении. Своим упорным и хладнокровным неповиновением он дал страшный пример, который узаконил его успех. «Я разучился повиноваться», — заявил он, вернувшись в Париж. Под влиянием одержанных в Италии побед он осознает свою судьбу. К концу дня битвы при Лоди (10 мая 1796 г.) «я видел, как мир опускается подо мною, как если бы я вознесся на воздух».

Этот освободитель Италии разделил свою добычу, отдал Австрии Венецианскую республику и позволил «тедески» [немцам (итал.) — *примеч. переводчика*] топтать своими сапогами плиты площади Святого Марка. Какой длинный путь пройден армиями республики с тех пор, как Бийо-Варенн провозгласил 1 флореала II года (20 апреля 1794 г.), от имени Комитета общественного спасения: «Мы идем не завоевывать, а побеждать, и не для того, чтобы предаваться опьянению побед, а чтобы прекратить войну в тот момент, когда гибель хотя бы одного вражеского солдата станет ненужною для дела свободы».

«Les Campagnes d'Égypte et de Syrie» представляет такой же рассказ с легендарным звучанием, там заметна та же забота о перестановке элементов и иногда эпическое раздувание отдельных фактов, столь часто порождаемое ностальгическим воображением Наполеона в последние годы его жизни. В связи с рассказом о сирийской кампании, он строит целый план завоевания Индии. «Если бы фортуне угодно было благоприятствовать его замыслам, он мог дойти до Индии еще в марте 1800 г., имея с собой более 40 тысяч человек, несмотря на потерю флота. У него были связи в Персии, было договорено, что шах не будет препятствовать проходу его армии через Басру, Шираз и Мехран». Если бы... На самом деле, сирийская кампания преследовала менее честолюбивые цели. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в «Souvenirs» первого переводчика Бонапарта, Амеде Вобера (Vaubert): «Генерал не мог и не хотел скрывать от меня ни одного проекта, ни одной мысли. И, я могу это сказать, завоевание Сирии не имело целью ни крушение Оттоманской империи, ни изгнание англичан из Индии, а укрепление французского могущества в Египте». Такие же преувеличения находим мы в рассказе о неудаче в Сирии: «Если бы я захватил Сен-Жанд'Акр, — сказал якобы Наполеон, — я бы надел чалму, я приказал бы моей армии надеть короткие штаны, я лишь в последней крайности подвергал бы ее опасности, я бы превратил ее в мой священный батальон, я бы закончил свою войну с турками руками арабов, греков, армян. Вместо какой-то битвы в Моравии я выиграл бы битву при Иссе»²⁴.

* * *

Объяснение событий 18 брюмера официальная пропаганда наметила еще в VIII году. Наполеон на Святой Елене придал этому объяснению законченную форму, которая с тех пор стала главным элементом живучей легенды о Консульстве.

Первой задачей было дискредитировать Директорию. «Я прогоню это собрание адвокатов, они смеются над нами, они не способны управлять республикою. Я стану во главе правительства, я объединю все партии». Это упрощенный анализ, совершенно не учитывающий реформаторской деятельности второй Директории, вышедшей из государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.): созданное ею, в частности, в области административной, оказалось прочным, и законы VII года заложили фундамент реформ, проведенных при Консульстве. Таким же образом искажается описание международных дел и положения французских армий. Когда 16 брюмера VIII года (3 октября 1799 г.) фрегаты «Мюиرون» и «Каррер» бросили якорь в заливе Фрежюс, «мы потеряли Италию» — это верно, но поло-

²⁴ В 333 г. до н. э. Александр Македонский при Иссе (город в Малой Азии) разбил Дария и открыл себе путь в Индию. *Прим. перевод.*

жение было восстановлено вследствие решающих побед. В результате второй битвы при Цюрихе (25—27 сентября 1799 г.) Массена заставил русскую армию Суворова отступить в Форарльберг; в Голландии английские и русские войска, высадившиеся 27 августа, потерпели поражение и вынуждены были отплыть. В начале осени 1799 г. наступление коалиции было разбито, границы Франции остались неприкосновенными: внешняя опасность была отражена, и к этим успехам Бонапарт не имел отношения.

Однако продиктованные на Святой Елене записи изображают Наполеона человеком, ниспосланным божественным провидением: «Сей хранительный гений, великая нация всегда носит его в своем лоне. Но иногда он медлит явиться. В самом деле, недостаточно того, что он существует, он должен стать известным; он должен сам себя осознать... Но когда этот долгожданный спаситель вдруг дает знать о своем существовании, инстинкт нации угадывает и призывает его, препятствия рушатся перед ним и весь великий народ, летя ему навстречу, как будто говорит: вот Он!»

Фактом является, что весть о возвращении Бонапарта произвела сенсацию (он прибыл в Париж 24 вандемьера VII года — 16 октября 1799 г.). Накануне «*Message des relations extérieures*» писала: «Высадка Бонапарта во Франции — это одно из тех событий, о которых без конца слышишь рассказы, не доверяя им». А «*Moniteur*» писала в тот же день: «Все были в состоянии какого-то опьянения. Победа, всегда сопровождающая Бонапарта, на сей раз опередила его, и он прибывает вовремя, чтобы нанести издыхающей коалиции последний удар». Общественное мнение видело в Бонапарте миротворца, заключившего договор в Кампоформио, которому предстояло вновь продиктовать мир в Европе. Но опасность вторжения была устранена благодаря победам, одержанным в Швейцарии и Голландии, кампания была закончена. Бонапарт не мог получить командования ранее будущей весны. Не желая оставлять Директории заслугу восстановления мира без его участия, он сблизился со сторонниками государственного переворота, вдохновителем которого был Сийес. Бонапарт не был провиденциальным человеком, но он сумел в подходящий момент перехватить и использовать в своих интересах ревизионистское течение, усилившееся после Фрюктидора.

В самом деле, на первый план выступила политическая проблема с ее социальными отзвуками: страх сочетался с ревизионизмом. Опасность была отражена, но все оставалось в неопределенном состоянии. Весною VIII года предполагались новые выборы: победят ли роялисты или якобинцы, устойчивость правительства может быть опять поставлена под вопрос. В центре дискуссии была Конституция III года: не ее цензовая основа, а ее либерализм, ее система равновесия власти, особенно обновление состава советов по третям. После Фрюктидора Директория решила эту проблему путем установления скрытой диктатуры: Наполеон в своей главе «*Administration intérieure du Directoire*» разоблачил деспотизм и двуличие Директории. Поскольку система ежегодных выборов постоянно все ставила вновь под вопрос, надо было сделать их менее частыми. Был поставлен вопрос о продлении полномочий Законодательного корпуса на семь лет. «Такое решение было слишком энергичным для правительства выборного и неустойчивого, — пишет Наполеон. — В общественном мнении тогда еще господствовала идея народного суверенитета: это значило играть на руку якобинцам, они могли бы с успехом ссылаться на него, выдвигая столь серьезное обвинение».

Ревизионистское течение стремилось не столько к стабильности законодательной власти, сколько к укреплению исполнительной власти. Оно было разоблачено в «*Journal des hommes libres*», в частности в статье от 3 вандемьера VI года, раскрывающей существование новой группировки, желающей установления постоянной палаты и постоянного президента и проповедующей концентрацию власти. Ревизионистская кампания развивалась на протяжении двух лет. В 1799 г. в Советах, во Французском институте, в салонах многие люди приходили к выводу, что конституция, которую каж-

дый год нарушают — то для того, чтобы избежать монархии, то для того, чтобы избежать «анархии», — порочна и ее следует пересмотреть. Высказывались различные мнения относительно того, как поправить дело: одни стояли за президентский режим американского типа, другие — за требование с законодателей гарантий определенных способностей, третьи — за учреждение умеряющего органа власти.

Социальные аспекты ревизионистского движения, которые Наполеон обошел молчанием, позволяют объяснить легкость, с которой был осуществлен переворот; это движение не могло бы достигнуть цели, если бы не отвечало требованиям господствующих элементов нового общества. Термидорианцы закрепили социальное превосходство и политическую власть консервативной буржуазии. Директория сохранила их. Но в VII году, так же как и в VI, натиск якобинцев, казалось, создавал угрозу для привилегий имущих классов. Снова ожил социальный страх; этот страх цементировал ревизионистские элементы. Партия анархистов, пишет Наполеон, «была бы неминуемо увлечена на путь восстановления террора. Следствием этого явилось бы величайшее из всех бедствий — гражданская война».

Порядок пересмотра Конституции III года был предусмотрен в ее XIII разделе; это была крайне сложная процедура, проведение которой растягивалось на девять лет. Об этом не могло быть и речи. Оставалось одно: государственный переворот. И тут необходимо было, как и 18 фрюктидора, прибегнуть к армии, чтобы оказать давление на большинство в Советах, но разница была в том, что в VI году большинство было роялистское, тогда как в VIII году оно было республиканское. Генерал Жубер, которому предложили руководить этой операцией, дал согласие. Но он был убит в битве при Нови 15 августа 1799 г. Сийес тогда обратился к Моро, но тот колебался. Между тем прибыл Бонапарт. Говорят, Моро сказал: «Вот человек, который вам нужен».

Действительно, все предназначало Бонапарта для этой роли: его якобинское прошлое (столь тщательно затушеванное в его мемуарах), которое могло породить некую иллюзию, его престиж и, с другой стороны, его честолюбие, его неразборчивость в средствах и то сомнительное положение, в которое он поставил себя, покинув по собственной инициативе свой командный пост в Египте. По своему характеру Наполеон, естественно, был сторонником ревизии Конституции III года в авторитарном духе. «Процесс организации французского народа едва лишь намечается», — писал он в письме к Талейрану после Фрюктидора, — «правительственная власть, во всей той широте, которую я ей даю, должна бы рассматриваться как истинный представитель нации». А 20 фримера VI года (10 декабря 1797 г.), на торжественном заседании, где его принимали в члены Французского института, он сказал: «В тот день, когда счастье французского народа будет покоиться на лучших органических законах, вся Европа станет свободною».

Что касается продиктованного Наполеоном на Святой Елене рассказа о 18 брюмера, скажем только, что рассказ этот, с его легендарными чертами, перешел в историографию и пребывает в ней и поныне. Однако с течением времени выявляется то, что Наполеон так тщательно старался скрыть. В самом деле, если 18 брюмера остается образцом парламентского переворота («Этот закон положил конец Конституции III года», — пишет Наполеон), то вместе с тем оно вписывается в ряд переворотов времен Директории; подобно им, он хочет произвести переворот при внешнем соблюдении законности, используя механизм парламентской процедуры. Еще в 1797 г. в уме Бонапарта созревает убеждение, что орудием государственного переворота должна быть армия, но что эта акция должна сохранить всю видимость законности: так было 18 фрюктидора. Этим объясняется та до мельчайших деталей разработанная Сийесом инсценировка, которую собирались осуществить: предстояло произвести парламентский переворот с согласия Совета старейшин и Совета пятисот, с помощью довольно тонкой процедуры.

Но из продиктованного на Святой Елене рассказа не видно, что Бонапарт чуть было не провалил все дело: он суетился, был слишком на виду, компрометировал себя, вел себя как военный среди штатских, привязанных к своим прерогативам. Этот солдат плохо себя чувствует на почве законности, которую, однако, он хочет соблюсти во что бы то ни стало. Он забывает, что должен играть лишь второстепенную роль, роль защитника Конституции, которой угрожает якобинский заговор, в этой до мелочей разработанной парламентской комедии, где главным актером все еще остается Законодательный корпус.

Наконец, Советы своей угрозой объявления заговорщиков вне закона, вынуждают последних покинуть почву законности и прибегнуть к насилию. Но и тут выход из положения находит Люсьен, гренадеров увлекает за собою Мюрат, а не Бонапарт. Неудача парламентской процедуры сделала неизбежным применение силы: это осталось неизгладимым пятном на 18 брюмера. Этот первородный грех его власти, конечно, не ускользнул от пронизывающего взгляда Наполеона. Но в то время, как разрасталась легенда, не могло быть и речи о строгом историческом анализе в диктуемых на Святой Елене сочинениях. Наполеон якобы стал диктатором лишь по необходимости...

* * *

Итак, отныне герой предстает перед лицом Истории. Позднее принц Жером-Наполеон напишет в своем докладе Наполеону III, что из внимательного и последовательного чтения сочинений, написанных на Святой Елене, «с полнейшей очевидностью вытекает, что на Святой Елене все мысли Наполеона были устремлены к освобождению человечества, к демократическому прогрессу, к осуществлению великих принципов нашей революции... Мысль Наполеона освещает будущее. Его вера, его последние советы — о раскрепощении народов, об их свободе»²⁵.

На первый взгляд, между героем и его подлинной историей, с одной стороны, и легендой, с другой, существуют некоторые явные противоречия. Наполеон становится все более и более враждебным революции, а легенда делает из него защитника принципов 1789 г. Он мечтал об европейской империи, а легенда изображает его поборником национального принципа, защитником естественных границ. Благодаря этой путанице и этой двусмысленности Франция получила Наполеона III и Вторую империю.

Однако с течением времени перспектива расширяется, эти противоречивые аспекты ступеньются и все более четко вырисовывается общая линия исторического развития. Между правлением Наполеона и революционным десятилетием существует глубокая связь. Как бы он ни был гениален, не дано было честолюбивому генералу преступить границы, поставленные революцией. Властолюбие Наполеона могло восторжествовать, но новая династия, европейская империя, все исчезло. Осталось только то, что вписывалось в наследие революции, в основное течение истории. Отбрасывая в тень все то, что в его деятельности было чуждо этому наследию, бросая яркий свет на революционное происхождение империи (разумеется, мы имеем в виду Революцию 1789, а не 1793 г.), изгнанник Святой Елены дал широкое изображение исторического развития. В конечном счете легенда вписывается в границы, намеченные историей, — те самые границы, которых герой не смог преступить.

²⁵ Доклад императору об издании сочинений, написанных на Святой Елене («Correspondance de Napoleon 1er», t. XXIV).

Тематически связанные ссылки:

И.Эренбург. Заговор равных

А.Собуль. От террора к Консульству:

национальная проблема и социальные реальности

А.Манфред. Египетский поход Бонапарта

Дж.Туган-Барановский. На пути к брюмеру

Дж.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы:

из истории республиканской оппозиции

во Франции в 1799-1812 гг.

В.Сироткин. Тильзитский мир

В.Рогинский. Наполеоновская Франция и Швеция

накануне Отечественной войны 1812 г.

К.Бочоришвили. Орден Почетного легиона при Наполеоне I

А.Манфред. О Наполеоне (из литературного наследия)

К.Симонов. Наполеон

М.Додолев. За кулисами наполеоновской дипломатии

Р.Резник. Наполеон

в «Человеческой комедии» Оноре до Бальзака

В.Марков. Иллирийские провинции Наполеона

Эти и другие работы

о Буонапарте Наполеоне (НАПОЛЕОНЕ БОНАПАРТЕ)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm